

Если взглянуть с высоты птичьего полета, то магистральный оросительный канал, который мы тянем в глубь заволжских степей — это ствол могучего дерева, а редкие ветки — это вспомогательные боковые насосные с подводками к ним канальчиками.

Насосная, которую строит мое прорабство, тоже боковая, самая дальняя — «камчатка». Еще позавчера получил распоряжение: всем прорабством прибыть на четвертую насосную на магистральном канале: намечается ее пуск. Значит, предвидятся какие-то торжества. А моим трудящимся предстоит убирать мусор и разную дрянь, там накопившуюся.

Я не ошибся в своих предположениях. Что ж, раз нельзя отвертеться от такой «чести», то постараемся извлечь из этого кое-какую выгоду для себя. Дедами на четвертой завораживает старший прораб. Ушлый хохол! Мне с ним уже приходилось иметь кое-какие дела и потому оба знаем, как нам друг с другом разговаривать. Подсчитал я кое-что и подбил бабки: 150 процентов тарифа.

Вот тогда между двумя старшими прорабами и произошел душевный деловой разговор.

— Ты чокнулся! Один ишак хочет другого ишак обдурить! Где это видано, где это слыхано — за уборку мусора 150 процентов?!

— Сумма нормальная. Сама по себе работа да плюс надбавка за моральное оскорбление: пятишестирядникам дерьмо убирать! Шестирядник почти равен министру, а ты ему бяку подсовываешь. Плати!

— Ну, загнул! Шестирядник у него почти министр! Живодеры — вот кто вы! Пользуетесь случаем — за горло хватаете.

— Пользуемся случаем: хотим приучить вас к культуре производства.

— Тфу, мать твою...

— Некультурно выражаешься. Вот рассказывают: в Финляндии если рабочий не приберет и месту половинку кирпичика, то мастер делает вычет из его зарплаты.

— Не морочь мне мозги Финляндией, Ирландией, Шотландией. Там же капиталисты эксплуататоры, а мы раскрепощенные советские граждане, строящие коммунизм. Улавливаешь разницу?

— Уловил: сто пятьдесят процентов.

— Ну прохиндей, ну вымогатель! Черт с тобой — давай подпиши наряд. Но учти, если попаду к тебе на подхват, то уж отыграюсь. Ты у меня завоешь с Финляндией, Ирландией...

Пуск четвертой насосной в тот день так и не состоялся. Вечером, когда съехалась высокая публика, звено монтажников-пусконаладчиков куда-то исчезло. После упорных и шумных поисков обнаружили только звеньевое. Завернувшись в брезент, тот загнуто похрапывал в углу между трансформаторной будкой и доской с противопожарным инвентарем. Растрясли его и поставили на ноги. Представитель обкома, еще довольно молодой импозантный мужчина, гневно надвинулся на звеньевого. Чувствовалось, что он с трудом сдерживается, чтобы не сорваться на крик.

— Вы чего себе позволяете? Пьяны или «ваньку» валяете? цену себе набиваете? Объект государственной важности, а его изволяете уговаривать! Смотрите, не переиграйте. Могут и руки скрутить.

Звеньевой невозмутимо потирал красные полосы на щеке, оставленные рубцами брезента. Спокойно поинтересовался:

— А вы, собственно говоря, кто будете? Из обкома партии? Да в обкоме и командуйте, а у меня своего начальства под завязку. А на объекты государственной важности и досыта насмотрелся и к ответственности приучен. Только насосы — твари железные и «ала-ала» на них не действуют. С ними приходится разговаривать вот этими руками, да вот этой «макирой». — звеньевой достучал пальцем по своему лбу.

Толпу развинул прораб монтажников. Положил руку на плечо звеньевому.

— Миронич, не горячись. Поспokoйнее. Не впервые тебе такая ситуация. Бывало и похуже. Гидроагрегат несравненно сложнее этих насосов, сколько гидроагрегатов ты пустил!

Не горячись — все утрясется.

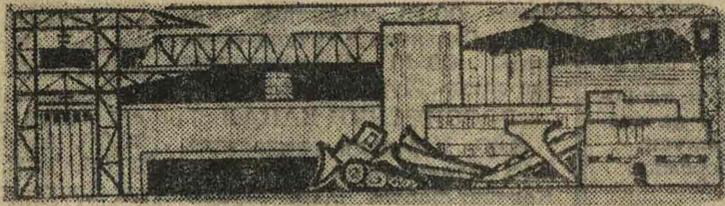
Звеньевой резко стряхнул руку прораба.

— Степаныч, дак хоть ты не наводи тень на плетень. Ты отлично знаешь обстановку. Вместе двое суток ползали по насосам. Не будь заводских дефектов, еще вчера бы их пустили. Конечно, насос не гидроагрегат, но тоже техника сложная. Надо еще пройтись по всем узлам, а у меня в глазах все плывет и руки-ноги трясутся. Пока не отдохну три-четыре часа, к насосам не пойду. Но если уж так засвербило, то и пускайте сами. Вы и представитель завода здесь. Пусть и расхлебывает дерьмо своего родного завода. В общем — иду спать.

Переманить бы этого мужика в свое прорабство, да не пойдет он. Да и нечестно переманивать: работы его профиля у нас нет. Он гидростроитель, работающий в специализированном тресте. У каждого из них огромный опыт в пятнадцать-двадцать, а то и больше лет. Цену себе знают.

РАССКАЗ

А. ТЕРЕНТЬЕВ.



КРЕПИСЬ, ПРОРАБ!

И начальников повидали всевозможных калибров. Рассказывают, что Миронича во время пуска первого гидроагрегата на Араксе сам шах Ирана поздравил за руку. Шах ин шах! Царь царей: куда уж выше?! Обкомовец супротив шаха явно жидковат. «Явно не волокет» — так позднее поправили мои трудящиеся.

Насосы пустили на следующий день. Мы не дождалась. Кто как, а я минувшим днем остался доволен: сто пятьдесят процентов на дороге не валяются. Во вторник с утра с мастером Русланычем и бригадирами произвели ревизию оборудования своей насосной. Длинных «хвостов» вроде нет, а кое-что по мелочам по ходу дела устраним. Осталось поставить главную задвижку на подводющем трубопроводе. Пора на обед, но все осталось. Уж больно моим трудящимся хотелось «ударить последний аккорд».

Груз для автокрана на пределе и я сам сел за рычаги. Бригадир Пчелкин с двумя подручными завел задвижку на место. Остальные расселись в стороне и молча наблюдали за операцией. Пчелкин еще заранее предупредил: «Кто вянет под руку — получит по шее». Ударить, конечно, не ударит, но и без этого никто из слесарей не осмелится ослушаться норовистого бригадира.

Уже затянута болты, уже вновь и вновь прошлись вдоль окончательно оформившегося трубопровода, а праздничное настроение не спало. Довели все-таки дело от начала до конца! С таким настроением уехали на ужин.

Наша столовая не то барак, не то сарай: кое-как сбитый из деревянных щитов. Весь обслуживающий персонал — молодые девчата. Только заведующей лет под сорок. Девчата ее побаиваются.

Гуще всего хлопцы увиваются вокруг белокурой раздатчицы Зиночки. Но сегодня она никого не замечает. Дяде своего вздыхателя, Алексея Котелько, в упор не видит. Что-то у них разладилось. Бухает в миску Алексея одной прозрачной жидкости без всяких питательных примесей. Котлетку выбирает самую тугосморщенную. Алексей с видом познаниенного кандалника усаживается за дальний угол стола.

Галкин становится встречь очереди, разливается соловьем: — Зиночка, солнышко ясное! Одари меня сиянием своих очей. Ну чем я не парень? Какой статью не вышел? Лицом

пригож, росточком как раз тебе пара, по профсоюзным вносам задолженности не имею, пользуюсь заслуженным авторитетом, с начальством вась-вась... А чего хорошего ты нашла в своем Алексее? Типичный акселерат Ты рядом с ним, как птичка-невеличка. Зоренька моя ясная, развею мою тоску-печаль!

Наполняя очередную миску, Зиночка неожиданно и ловко шлепнула Галкина по лбу сложенным блином. Очередь закорчилась от хохота. Хохотал и Галкин.

— Зиночка, целую твои белые ручки! Перехлопай все блины о мой лоб — стерплю. Бей миской, бей половником — стерплю! А этот блин за верну в конвертик и буду носить против сердца. Так объяви принародно: могу ли я надеяться, или не будет мне в жизни счастья?

Зиночка не улыбалась. Внимательно всмотрелась в сгорбившегося над миской Алексея. Выбрала на противне самую сочную котлету, и с видом оскорбленной королевы подошла к сто-

места и ползет вверх. Лопастей рабочего колеса насоса пошли на разворот. Что и требуется. Галкин возбужденно потирает руки.

— Ползет, милашка, ползет! Еще трохи — и упор. Живи, Гена, да радуйся. А в честь такой блистательной победы в ближайшем будущем выйдем у начальника пузырьки этого самого... Стоп! Дошли до упора. Полный разворот. А сейчас, Геночка, жми на сворачивание!

Гидропривод опять начинает надсадно гудеть, но гудение слишком затянывается. Рычаг неподвижен. Потное лицо Галкина становится сосредоточенно недоброе. Сваружи опять нещадно палит солнце и в здании насосной, как в бане. От пота мы тоже все мокрые, как мыши.

Швырнув репку на стол, Галкин командует своим помощникам следовать за ним. Пока они лезут с переносной лампочкой по всему насосу, я не вмешиваюсь. Пытаюсь догадаться в чем причина? Перебираю чертежи, но выгода они не подсказывают. Галкин возвращается, нерешительный злостью. Зубами выдергивает из пачки сигарету. Замедленно закуривает и пускает дым в сторону заводчанина: «Техника! Качество! Прогресс... Лапотники аховые! И тут чего-то напортачили».

Затурнанный заводчанин слабо оправдывается.

— А ты, Николай, уверен, что сам сделал все как надо.

— Стопроцентная гарантия. Да и действовал согласно вышестоящим ценным указаниям. Я солдат — дисциплину туго знаю.

Это камушек уж в мой огород. Заводчанин гнет свое: — «А кто подтвердит твою стопроцентную гарантию?»

— Бог подтвердит. Ему сверху видно все.

— Ну, если Бог...

Осторожно спрашиваю: «А где, по твоему, Николай, наверху скрыта?»

Галкин сосредоточенно задумывается и наконец отвечает:

— Вернее всего, в рабочем колесе насоса. По-видимому, при развороте лопастей переключается отверстие, через которое происходит обратное наполнение маслом полости на сворачивание лопастей. Значит, отверстие просверлено не там, где надо. Иной причины не нахожу. Да и мы сами маху дали. Когда собрали рабочее колесо, его следовало проверить.

Галкин деликатно не договорил, что я отменил испытание. Русланыч тоже подкашивал необходимость испытания, но для испытания нужно было масло, а его вовремя не подвезли. Я тогда еще раз просмотрел чертежи: ну какой дефект тут может быть? И вот мое самонадеянное вышло боком. Обложить бы кого-то по матушке, но кого? Крепись, прораб — министром будешь!

Заводчанин посунулся плечом вперед: «Николай, а ты на какой угол лопасти загнул?»

— Как и положено при проверке: от упора до упора. С плюс девяти до минус трех градусов.

— А следовало на нуле остановиться и подумать, в какую сторону дальше крутить.

— Если ты знал, где следовало остановиться, почему не предупредил? Рядом стоял. Если в инструкции минус три не упоминается, но на самом колесе-то градусировка нанесена. Есть плюс девять, есть и минус три.

— Нельзя было загонять лопасти в минус три.

Галкин повертел растопыренную патерней перед лицом заводчанина.

— Заладил, нельзя, нельзя... Если нельзя, значит, должны быть ограничители, или об этом должно быть где-то записано. Где ограничитель, где запись?

— Ладно, Николай, не будем перепираться. Попробуем еще раз.

Галкин кисло скривился, обими руками потел шею.

— Попробовать можно, но если надавим много больше расчетной нормы, то может вдребезги или пополам. Норма сорок атмосфер, а я и так дожал до шестидесяти. Куда больше? Ты сам видел, что гидропривод выше уже не тянет. Надо жать ручным гидропрессом на сетку или около того. Пусть отверстие и перекрыто, но какие-то протечи все равно есть.

(Продолжение следует).

Заводчанин подошел к столу и что-то написал на последнем листке «инструкции». Протянул ее мне.

— Вот, Ионич, мое разрешение. Пусть и тля-ля, но работа прочная, расейская — «вдребезги» не получится. Подключай ручной гидрпресс.

Дальше повторилась сцена, происшедшая на четвертой насосной. Только без шаха и шаха...

Галкин фыркнул: «Опять» давай! Ты давай! Твой завод напорчал!»

Увертливость заводчанина меня тоже начала раздражать. Сказал ему:

— Утверждал, что контрольную сборку на заводе производили, а что имеем?

— Что имеем? А то и имеем. Мы, Ионич, по ту сторону Уральского хребта, а наши партнеры по кооперированию по другую сторону хребта. Чтобы все согласовать, надо каждый раз через горы тащить. «А умный в гору не пойдет»...

Галкин опять фыркнул:

— Слушай ты его, Ионич. Он нам всем хочет лапшу на уши навесить. Взгляни еще раз в чертёж: сами насосы и гидроприводы к ним делают на их заводе. Зачем им через горы тащить? Химики они высшей пробы.

Переругавшись, взаимно добреем. Подкатили гидрпресс. Подключили. Беремся за «дышло», качаем с натурой. Стрелка манометра медленно ползет пятьдесят... семьдесят... восемьдесят... Стрелка немного не доходит до девяноста атмосфер, когда лопасти стонут. Галкин аж подпрыгнул.

— Стоп, ребята! Дальше качать только по моим руководящим указаниям. Треба точно загнать на ночь. Начали: На тля... На мя!.. На тля!.. На мя!.. Стоп! Не дышать! Ионич, давай команду варить ограничители на обоих насосах. Мы им покажем горы уральские. Ассал!.. Через пару часов с отладкой закончили, но остаемся на местах. С четвертой насосной позвонили: «Принимайте воду!».

С шофером посылаю двоих ребят привезти ушки. Все остальные спускаются в овраг к водоприемнику. Там уже топчутся местные жители. Откуда узнали? Смеются: «Сорока — на хвосте принесла».

Стараясь удержать равновесие на крутом склоне оврага, подковылял поджарый пожилой мужчина. Низко сутулясь, тяжело опирается на сучковатую трость, отполированную до матовой желтизны. Возле него неотступно держится такая же поджарая, дочерняя загорелая женщина. Все не в меру возбуждены. Меня тоже охватывает какое-то непонятное томление. Пытаюсь угадать причину: Перемена погоды? Да нет, вроде, все по-прежнему: солнце немилосердно жжет, все такое же мутно-белесое небо, все та же выжженная до черноты степь. Но какую-то перемену начинают улавливать и другие. Наглухо забрентованный Пчелкин прищипывается: «Будь я проклятый, но запахло дождем».

Степняк согласно поддавливает: «Точно — перемена налезывается. Носточки забили!» Показывает подбородком на железобетонную коробку водоприемника, перегородившую дно оврага:

— Туда и залетает?

— Туда. Как наполнится — врубим насосы.

— Поскорей бы. Истомилась ждать. Степняк остушился и чуть не упал. Левая нога у него заметно короче. Жена успела поддержать. Старый солдат хорохорится.

— Чего ты ко мне пристала, как банный лист? Да я еще стрр-роевым рубану. Беда какая: одна нога короче другой. Чем короче — тем крепче. Конфузишь только гвардию перед народом. Эх, мать моя, мать моя! Последние слова, произнесенные степняком с нажимом, вызывают смех. Что-то мы сегодня на редкость легко переключаемся с ругани на смех. Все немного не в своих тарелках. Засмеялась и женщина, неожиданно звонко, по-девичьи. Такие сцены между супругами, видимо, частенько повторяются.

...Сперва мы увидели не воду, а ораву ребятни. Они вопили и приплясывали, окатывая себя брызгами, плюхались в замусоренный мутный поток и молотили руками и ногами. Взрослые тоже словно с ума посходили. Женщины с хохотом плескали

себе на грудь, в лицо, совали горсти подмышки. Иные, не стыдясь наготы, срывали с себя праздничные кофточки и окатывались пригоршнями. Суматошный гомон катился вместе с потоком. Мужички тоже времени зря не теряли. Откуда-то появились бутылочки с «етим самым»... Прямо в сапогах и ботинках мужики брели по прибывающей воде, делая шумные остановки для принятия внутривенно... Налитое не допивали, а выплескивали в воду, приплясывая и вздымая руки к небу. Не хватало только жертвоприношений. Впрочем, кажется, и это намечалось. Из чьих-то рук вырвался огненный расцветок петух и, суматошно помогая себе крыльями, ринулся вверх по склону. Вдогонку бросился долговязый мужик, но поскользнулся, рубашка задралась и он на голом животе съехал в воду. Хохот и гам усилился. Все смотрели вслед петуху, но никто не бросился вдогонку. Победно прокричав что-то петушиное, петух скрылся с глаз. А народу все прибывало. Сбежалась,

ник. Вверх ударила упругая струя. Пошла водичка! Становимся в круг, раскинутые руки на плечи соседей. Приплясываем: «Ай, пошла, пошла, пошла!.. Ай, пошла, пошла, пошла!».

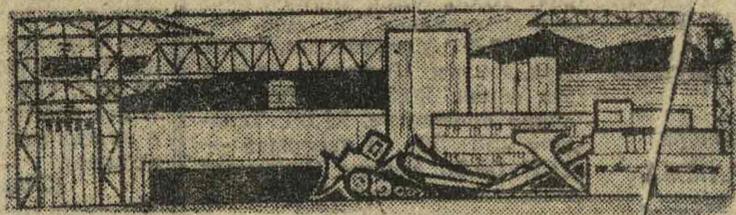
Бегом возвращаемся в здание. Врубаем второй. И он подхватил сразу. «Наша вода» будет наполнять пересохшее озеро, примыкающее к задворкам Зуевки.

Что ж, и нам грешно отставать от местных мужичков. Извлекаю из шкафа давно припрятанный там заветный литр спирта. Вообще-то, спирт предназначен для промывки некоторых деталей, но в эту теорию давно внесена существенная поправка: зачем портить добро, если можно промыть бензинчиком? Галкин не зря принялся к шкафу и сейчас проявляет повышенную активность: на столе появляются кружки, стаканы, консервные банки... Разбавляю и разливаю. Чокаемся. Пьем. Закуска под рукой, но до нее никто не затрагивается. Дуем в потолок. Хаа-ураш!..

Минут двадцать не слезаю с те-

РАССКАЗ

А. ТЕРЕНТЬЕВ.



КРЕПИСЬ, ПРОРАБ!

наверное, половина населения Зуевки, в которой мы квартируем, не считая жителей более отдаленных деревень и сел. Мои женатые мужики и холостые парни, мои безответные работники и любители скачнуть при случае, мои молчуны и горлодеры, скромники и шалопуты — сбились в тесный круг и молчали: они только сейчас по-настоящему начали понимать истинную цену трудам своим.

Тесная узость оврага быстро наполнилась водой. Вот вода лизнула бетонную стенку водоприемника и, завороживая своим движением, стала подниматься выше и выше.

Степняк торопливо разделся. Остался в одних широко сшитых трусах, свободно болтавшихся на тощем заду. Жена давилась смехом:

— Куда лезешь, куда? Утопнешь или совсем крчком загнешься. Да смотри, Иван, смотри: вода так и прибывает. Неужели она до нашей Михайловки дойдет? Ой, калика переходя, не смешишь бы ты народ.

Степняк подмигнул нам:

— Днепр на поле не переплыл, Вислу на хвосте у мерина форсировал... А тут...

Степняк спятился на четвереньках и вдруг неожиданно шустро выпрямился и плашмя плюхнулся в воду. К восторгу ребятни нырнул головой и торсом и поболтал в воздухе тощими, в синих шрамах, ногами.

Одевшись, подковылял к нам.

— Еду домой. Доложу народу: вода идет — сам видел, сам купался, сам попробовал. Доведется бывать в нашей Михайловке — милости просим. Уважим, чем богаты.

Поддерживаемый супругой, степняк стал подниматься из оврага, а я смотрел ему вслед и думал: от Зуевки до Михайловки еще пятнадцать километров в гущь степи. Вода до Михайловки не дойдет. Надо ставить еще одну промежуточную насосную. Но даже при semejnejшей ситуации Михайловка ляжет. Находиться от реки на сто пятьдесят километров и находиться от воды на пять-шесть километров — разница огромная. Во всяком случае скот Михайловки водопоем уже обеспечен.

Мы дождались, когда вода запереливалась через край бетонной чаши водоприемника, и вперегонки побежали к насосной.

Насос подхватил сразу. Высканываем на улицу к сливному трубопроводу. Отрываю врезанный в него кра-

лефона, но все-таки дозвонился до своего начальника. Тот ворчливо поздравляет. Есть у нашего начальника паршивая привычка: воспринимать радость ворчанием. Но чувствую по тону: был бы поближе — немедленно бы примчался.

Завтра съедутся званые и незваные — тогда и официальный пуск.

Галкин со своими помощниками изъявил желание заночевать на насосной. Разрешил, но предупредил: никаких выпивочков. Галкин поклялся: «Да сгореть мне в геене огненной!».

Да, в рай Галкину будет трудно, зато просочиться. Закрывать бы его в насосной на замок, но ведь доброхоты в любую щель подадут.

Официальный пуск насосной прошел так, как проходят подобные мероприятия: поздравления, речи... и плохо скрываемое нетерпение: да поскорей бы этот парад кончился. Разъехались много быстрее, чем съезжались. А я неожиданно схлестнулся с начальником своей ПМК. Он потребовал, чтобы я завтра же половину людей вернул на постоянное место работы, т. е. обратно в ПМК: «Работы невпроворот!».

Я вспылил, что это его забота, а каждый рабочий прорабства за лето накопил минимум по неделе неиспользованных и необлаченных отгулов. Начальник хитро прищурился. Он так умеет.

— Собираешься оплатить неделю безделья? За счет каких капиталов? От меня ни копейки не получишь. Лишка на себя берешь, Олег Ионич. Я пошел ва-банк:

— Мавр свое дело сделал, мавр может уйти. Но я не мавр и не бедный родственник, чтобы мною помыкали. За все время, пока мы мерзли и жарились на канале, я от своей родной ПМК копейки не получил. Напротив: кое-что от прорабства перепало и ПМК. Будешь на меня давать — на первом же собрании информирую коллектив о твоей позиции.

— Не грозись.

— Не грожусь, а предупреждаю. Начальник помолчал, глядя в глаза куда-то мимо меня, и пожал плечами:

— Ладно. Но где денег возьмешь, чтобы оплатить неделю?

— Наскребу.

Русланыч вельможным кивком подтвердил: «Наскребем».

Начальник рассмеялся: «Архаровцы! Совсем от рук отбились».

К полудню низкие тучи стали неспеша выползать из-за горизонта. Мы смотрели на них, как загнипнотизированные. Духота усилилась. Все так же тучи надплыли над нашими головами. Но как-то незаметно сквозь одуряющую духоту пробилось веяние свежести. Начало дождя мы не увидели, а почувствовали. Сперва капли испарялись еще в полете и лишь невесомая влажная пыль достигала земли. Мало-помалу дождь разошелся, но не крупный и не секундный, а теплый и ласковый — «грибной», как говорят у нас на смоленщине. Перегретая земля закурилась неким кисейным паром и уже за полсотни метров человек видел только выше пояса — как отрубленный. Все разделелось до трусов и забронзовевшие за лето тела масляно блестя.

К концу смены дождь разошелся по настоящему. Пора по квартирам, но прокладываем сидеть. Уж не знаю кто первым издал вопль:

— Вратва, прощам Аলেখ! Женить его немедленно и бесповоротно!

Пчелкин, как всегда, засомневался: раз они не расписались, то вряд ли Зина согласится на свадьбу прежде загса. На Пчелкина замахали:

— Не кармай! Согласится! Мы все свидетели и Аলেখ в любом случае не отвертится. Даешь свадьбу! Даешь выпивку!

Копытно сидел тут же, но его словно не замечали. Он помалкивал и затаенно улыбался. Вот уж действительно: без меня меня женили.

Никогда раньше я не видел и, наоборот, больше и не увижу такой безалаберной, такой буйно-веселой свадьбы. Любое мое предложение тут же отвергалось подавляющим большинством голосов. Удалось выторговать только одно условие: начало свадьбы не раньше, чем послезавтра. На насосной надо кое-что подчистить, подготовить к перевозке. Но предсвадебная карусель закрутилась сразу, как только вернулись в Зуевку. Откуда только что и раздобыли: откормленного барана, фруктов, рису, арбузов и дынь, отменных помидоров, сластей, яиц, десятков ящиков пива... На вино-водочные изделия пытались наложить лимит, но куда там! Половину выставили на столы, а половину припрятали до удобного момента. Кроме наших, еще и сельчан набралась добрая сотня. Они тоже натащили жареного и пареного. Даже пару ведер меда поставили. А о бражке, от одного запаха которой уже покачивает — уж и не говорю. А ведь за лето мы успели наслушаться нытья сельчан: «Последнее допиваем и доедаем. Все под метелку подчистили. Умирать скоро будем».

Главным для сельчан была, конечно, не сама свадьба, а чувство освобождения от черной беды, вызванной свирепой засухой: радость дождям, вернувшим надежду, что земля-матушка оживает, а значит, все остальное наладится и войдет в русло нормальной жизни.

С началом засухи село жило, как пришибленное неотератымым роком: ни песен, ни посиделок с гармошкой. Даже двух сидящих у калитки баб редко увидишь. В Зуевке приличный клуб, но и тот пустовал все лето. Зато сельчане часто гуторились на безголосных похоронах. Какие уж тут свадьбы да гулянки?

Мои парней тоже можно понять: хотя и не за решеткой лето провели, но, кроме жары да работы, по существу ничего не знали. Правда, ночами бесшумные тени крались по задворкам, но этого никакие засухи, землетрясения и наводнения не пресекут. Тут уж сам господь Бог распишет в своем бессилии. Поэтому мне лучше воздержаться от комментариев. Свадьба как раз и лавала возможность в открытую навестить упушенное, допить недопитое, догулять недогуленное. И получилась не столько свадьба, а что ни есть самый языческий шабаш с его перехлестами и переборами.

...Гулянули на отшибе от села на пустующем стане механизаторов: степнет, а только крыши с длинными столами под ними. Дождь все еще продолжался, то стихая до редких капель, то вновь разражаясь ливнем.

(Окончание следует.)

(Окончание)

Начало в №№ 131—133.

За двое суток степь преобразилась, как в сказке: вся ярко зазеленела, нежная поросль проклюнулась даже в разрезанных колеях дорог. Откуда-то появились стада коров и овечьи отары. Проклюнувшуюся траву хватало только-только ухватить губами, и животные вряд ли насыщались, но они, как и люди, уже почувствовали, что беда миновала и жалобное мычание уже не будоражило степь.

Музыки на свадьбу тоже наташили навалом: баяны, гармошки, гитары и даже пионерский оркестр с барабаном.

Молодожены терпеливо сносили все, что в подобных случаях выпадает на их долю. Алексей — сама вальяжность: ну только-только выдернули из княжеского сословия. Зина — королева. Чудесная дева! Лунаво поглядывает на своего суженого, когда наши заводят: «Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья...»

С наступлением темноты благоприятная часть свадьбы закончилась. Степь погрузилась в греховную тьму, распространяя свои загадочные крылья и над праведниками, и над несправедливыми грешниками. Молодожены продолжали сидеть пристойно во главе стола, но уже виделось, что весьма вольная обстановка начинает их тяготить. Я посоветовал им незаметно уйти, за что и получил от невесты оборотительную улыбку.

Столы полуопустели. Пары и шумные ватаги утонули в манающую темноту ночи. Затрепетал хилый коестер, вдруг вздыбившийся огненным столбом. Ясное дело — плеснули солины. В отблесках пламени буйствовали пляшущие тени. Донеслась разбойная, на всю силу голосовой связки, песня. Но слов не разобрать.

За столом остались только пожилые женщины да несколько мужиков, уже изрядно подогретых. Они пели, отделяя несю от песни тихими разговорами. Но как пели! Сколько раз я слышал эти песни, да и сам пел о Стеньке Разине, о Ермаке, о степи глухой, и всегда они меня завораживали и несли куда-то в заманчивую даль на вольных и грозных крыльях. Вот и сейчас мощный слитый хор вливался прямо в душу, заставлял замирать сердце.

Россия ты моя, Россия! Походишь да поедешь по ней и начинаешь ощущать себя каким-то равнодушно-безродным человеком, сотворенным из осколков разных наций. И вдруг мучающая нестарелая песня, будто с разбега, вталкивает тебя во что-то нестерпимо манящее, родное, и неожиданные слезы вот-вот брызнут из глаз твоих: да русский я человек! До последней клеточки

тела русский я человек! И это чувство кровного родства со своим народом всегда таится в душе твоей, но только порой оно оживает, припопороженным налетом повседневной суеты, когда не хватает времени оглянуться на пройденные житейские дороги и побыть в раздумьи с самим собой. Далеко отсюда моя родная смоленщина и сейчас в слитом хоре, мне начинало казаться, что я различаю мамин голос.

Я прикрыл глаза и увидел нашу избу. Война вторично перекадилась через отчий край и гремела где-то далеко на западе. На улице ночь и

Мужичишка приблизился, сел напротив. О чем с ним разговаривать? Выручил подоспевший откуда-то Галкин. Сходу разыграл комедию.

— Говоришь, от рук отбилась? И детки плачут? Нету детушек? Ай, беда, беда... Но ты не падай духом. Ты попал и чутким и справедливым людям. Поможем твоей беде. Сколько надо: одного, двоих, али целую тройняшку? Отец-героиня! Чуешь, как звучит? Не теряй надежду: восстановим социальную справедливость. Где искать твою Настеньку? Какая она?

Мужичонка слезливо танет: «При-

РАССКАЗ

А. ТЕРЕНТЬЕВ.



КРЕПИСЬ, ПРОРАБ!

ветер. Подлеповатое оконце, склеенное из осколков стекла, затянута морозной куржевиной. Приисобленная над ведром с водой бледно горит березовая дучина. Вдоль голой закованной стены на лавке из жердей тесно сидят одетые в рваные женщины. Мерно раскачиваясь, они поют и незряче смотрят перед собой. Мама тоже поет. Слезы текут по ее исхудалым щекам, а я сижу у нее на коленях и боюсь пошевелиться. В доме из мужской половины только я один. Батя мой сгинул в Сенявинских болотах.

Хор ненадолго смолкает. Я словно очнулся от полудрабы. Гулко и тревожно стучит мое сердце. Певцы тихо переговариваются, звякает посуда. Настроение испортил довольно-таки расхристаный мужичишка. Пьяно выхлясь, он появляется из темноты и лодходит к столу. Старый знакомый: частенько заглядывал на насосую. Шарит по столу, что-то выпивает. Наперед знаю, о чем он сейчас будет канючить. Будет жаловаться на свою горькую долю: с приездом горожан его Настя совсем от дома отшатнулась, вечерами где-то пропадет, своего муженька не привечает.

гожая она. Волосы у нее тусые, касы шелковые. Бюфточка со цветочками. На ногах желтые туфельки — сам покупал. А поясик на ней широконогий, с пряжкой кругленькой...»

Галкин сокрушенно вздыхает:

— Не те приметы даешь. Ночью разве разберешь, какие на кофточке цветочки. Давай другие приметы. Голова, как я понимаю, у твоей Настеньки есть. Ну, а руки, ноги, попа и прочее — все в порядке?..

— Есть, есть — все есть. — обреченно подтвердил мужичишка.

Сидевшие за столом неодобрительно вслушивались в скабранный разговор. Галкин по обыкновению переигрывал. Пришлось его одернуть. А сам поспешил уйти. В кромешной темноте, почти на ощупь, выбирал дорогу. Какое-то смутное недомольство самим собой завладело мною. Видимо, усталось сказывается. Хотя и стараюсь носить шляпу набекрень, но лето меня изрядно вымотало. Да и по семье соскучился. Марию вспоминаю относительно редко, а детвину снятся чуть не каждую ночь. Все лето бывал с ними только урывками: поздно приеду, рано уеду. На ближайши-

двое суток решил все дела пустить на самотек. Пусть парни валют дурака. Заслужили.

Рано утром пришел Русланыч. Тоже какой-то квелый. Захватили байковые одеяла, полубубни и отправились на окраину села. Там колхозный ток. Ныне молотить на нем нечего, но столбы и крыша есть. Посередине тока какая-то платформа на продырявленных колесах, но без бортов. На ней и устроились. Подстлали одеяла, накрылись полубубнами. Благодать! На исходе дня Сергей Яковлевич заявился не то с обедом, не то с ужинком. Еле глаза разлепили. Вало похлебали из котелков и опять на боковую. И ночь проспала. На следующее утро все-таки сами проснулись. Ризия уже опухла, а глаза все равно слипаются. Леня небдлимая. Да и больно уж здесь хорошо. На все четыре стороны — неоглядная ширь. Танет влюбый ветерок. Пахнет влажной землей и чем-то горьковатым, но приятным. Наверга, даже начинаю подматывать колесничков.

Юрта на холме. Полог юрты приподнят. Хозяин воздежит на подушках, ласкаемый струящимся ветерком. Иены хлопчут по хозяйству. А любимая молодая жена с воркующим смехом подносит своему повелителю пиаду с кумысом. Донесется нетерпеливое ржание подсаженного коня Да-а-а...

Прямо из чайника попили холодного чая. Начали о чем-то разговор, но сон опять перевалил.

Вскочил, как от неожиданного удара. Опять гулко и часто стучит сердце. Ветерок маэвал по шене полудой полубубка, а мне приснилось, что погладила Танюша. Дома по вольным дням я любил похвещаться в постели. Сын и дочурка просыпаются раньше меня, но Мария не разрешает им будить отца. Усевользнув от олен матери, Антоша шмыгает в спальню и с солением лезет ко мне на кровать. Приворжусь спящим. Сын перелезает к стенке, юркает мне под мышку и тащит на себя одеяло — прикрытне от материнского возмездия. Что-то успел набедокурить. Танюша тоже тихонько крадется в спальню. Осторожно касается пальчиком моего лица. Вмиг «просыпаюсь» и рывком сажу ее на себя. Начинается возня с визгом и смехом. Мария стоит в дверях, опираясь плечом о косяк, и глубокое счастье читается на ее добром бабьем лице.

Оставив все дела на Русланыча, уже через час еду домой. Сергей Яковлевич молчаливо крутит барабанку, а я нетерпеливо поспатриваю на спидометр.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«ОХ, ВРЕМЯ — ВРЕМЕЧКО...»

26 октября в «ЗВ» были опубликованы письма наших читателей, в которых они выражали недовольство тем, что на работу теперь надо приходиться на час раньше. Аналогичные письма поступили и от коллективов детских садов №№ 80 и 3.

Мы решили опубликовать пояснение ответственного секретаря Госкомиссии Единого времени и эталонных частот СССР Д. САЕНКО, опубликованное в № 40 газеты «Аргументы и факты».

В 1931 году постановлением правительства ввели так называемое «декретное время», то есть мы стали жить с опережением поясного времени на один час. Такой порядок сохранялся до 1991 года, кроме того, с 1981 года применяется летнее время. Следовательно, зимой мы опережаем поясное время на один час, а летом — на два. И надо сказать, что опережение во времени оправдывало себя.

С 1982 по 1986 годы «декретное время» было отменено решением правительства СССР в 30 областях и автономных республиках России, в республиках Прибалтики. Затем в

прошлом году его стихийно отменили на Украине, в Молдове, Грузии, Азербайджане и к нынешнему году оно действовало лишь на территории, где проживает всего 30 процентов населения. Весной 1991 года на этой территории мы вынуждены были отменить «декретное время». Отмену совместили с переходом на летнее время. Поэтому в марте, переходя на летнее время, стрелки часов не переводили. Сейчас страна живет по пояскому («деволюционному») времени. Конечно, это вынужденная мера, мы уже понесли определенные экономические потери.

Надо сказать, переход на летнее время у нас остается. Его ежегодно совершают страны Западной Европы (за исключением Нидландии), США, Канада, всего 30 с лишним стран.

От редакции («АиФ»). Так как переход на общеевропейское время принес значительные экономические потери, Верховный Совет РСФСР 23 октября принял решение о возврате к старому «декретному» времени на территории республик в течение будущего года.

ВНИМАНИЮ ПОКУПАТЕЛЕЙ

В связи с запросами о порядке обмена ненадлежащей радиотелевизионной аппаратуры и бытовой техники в период гарантийного срока эксплуатации производственное управление бытового обслуживания населения сообщает следующее: предприятия сложной бытовой техники, осуществляющие гарантийное обслуживание бытовой техники, отказывают покупателям в выдаче справок на замену ненадлежащих изделий.

По вопросам замены бытовых аппаратов и приборов, вышедших из строя в период гарантийного срока, покупатели должны обращаться непосредственно в торговую организацию.

Предприятия сложной бытовой техники в силу договорных обязательств с торговыми организациями будут устанавливать причины выхода изделия из строя, т. е. выявлять, носит ли дефект производственный характер или возник из-за нарушения покупателем правил эксплуатации.

Также производственное управление бытового обслуживания населения сообщает, что оно готово рассмотреть вопрос о заключении договоров по установлению причин выхода из строя сложной бытовой техники со всеми нашими торговыми организациями.

Сезон охоты открыт

На основании приказа № 78 областного охотуправления от 1 октября 1991 года на территории области открыт осенне-зимний охотничий сезон.

На территории охотобщества спортивная охота на лоса, изюбра разрешена с 1 ноября по 15 января 1992 года.

Охота на косулю проводится в три периода: первый период с 15 по 30 ноября; второй — с 1 по 15 декабря; третий — с 16 по 31 декабря.

Добыча диких копытных животных осуществляется по лицензиям и путевкам, которые выдаются по первичным охотколлективам и действующим на территории охотобщества. Лицензии следует выкупить до 12 ноября.

Отстрел проводится бригадой — на косулю не более трех человек, на других копытных — не более восьми человек.

В путевке указываются фамилии членов бригады и номера охотничьих билетов.

Лицензии должны быть возвращены по месту приобретения в течение двух дней после окончания охоты. За несвоевременный возврат лицензий охотничья коллектива будут лишены права на их получение в следующем сезоне.

Также разрешена охота на рябчиков и зайцев-беляков с 1 ноября по 15 января.

Всякая охота на глухаря запрещена.

Будьте счастливы

ЖО-014. Познакомлюсь с порядочным мужчиной в возрасте до 35 лет, не злоупотребляющим спиртным. О себе: рост 175 см, блондинка, средней полноты, образование высшее, жилищно-материально обеспечена. Отвечу на письмо с фотографией.

ЖО-015. Надеюсь на встречу с мужчиной в возрасте 32—40 лет, который бы мог стать надежной опорой в жизни для меня и моих двух девочек. Мне 35 лет, рост 158 см, симпатичная, хороша хозяйка. Квартирой и материально обеспечена.